

Су Цзяньцю съёжился в микроавтобусе, дрожа от холода, Ланьлань накинула на него ещё одну пуховку и обняла сжавшегося в комок человека. — Мы близко к отелю, скоро приедем, вернёшься, примет горячий душ, и всё будет хорошо.

— Угу. — Закутавшись в пуховик, Су Цзяньцю кивнул.

Лишь покинув шумную съёмочную площадку и грохочущий дождь, он понял, как сильно дрожит, даже говорить толком не может, зубы стучат. Казалось, обогреватель в этом роскошном микроавтобусе сломался, совсем не согревал.

Давно уже не было такого холода.

Последний раз подобный леденящий холод он ощущал на больничной скамейке, ожидая, когда закончится операция Су Цяо.

Су Цзяньцю медленно выдохнул.

В салоне внезапно стемнело, микроавтобус въехал в тоннель, увлекая всех в темноту.

Воспоминания нахлынули, воспользовавшись моментом, мгновенно заполнив сознание.

— Люди боятся темноты, потому что в темноте много неизвестного. А Цю, не бойся, даже если окажешься в темноте, брат всегда будет держать тебя за руку, ты знаешь, брат всегда с тобой.

Так говорил ему Су Цяо.

Если бы Су Цяо знал, что он больше не боится темноты, обрадовался бы?

В тот день, после того как с Су Цяо случилось несчастье, по дороге в больницу на машине скорой помощи они тоже проезжали через тоннель.

Су Цзяньцю помнил, в тоннеле было очень темно, ничего не было видно, только запах крови.

Он вспомнил слова брата и крепко сжал его окровавленную руку.

И в тот момент, в непроглядной темноте, брат сжал пальцы и тоже сжал его руку.

Это была последняя искра жизни в брате перед смертью мозга, с того момента он погрузился в сон.

Позже Су Цзяньцю рассказал об этом врачам, те сказали, что это настоящее чудо.

Су Цзяньцю знал, что брат последним усилием сознания говорил ему: А Цю, не бойся, даже если окажешься в темноте, брат всегда будет держать тебя за руку, ты знаешь, брат всегда с тобой.

Поэтому он так верил в чудо, верил в брата. Даже если многие врачи говорили ему, что брат не проснётся, что смерть мозга во многих странах считается критерием смерти, он никогда не думал сдаваться.

Он уже вырос, не тот ребёнок, который растерянно стоял у дверей операционной перед грудой бюллетеней о критическом состоянии.

Тогда Су Цяо спасали в операционной, врачи заставили его подписать много бумаг, он не

понимал, что там написано, даже не знал, что это бюллетени о критическом состоянии, но и времени внимательно читать не было, врачи торопили, он знал, что Су Цяо умирает, нельзя было терять ни секунды.

Он только подписывал и без конца спрашивал:

— Мой брат умрёт? Как мой брат? Он поправится?

Врачи говорили:

— Мы сделаем всё возможное.

А потом ночь прошла.

Врачи сказали ему:

— Мы сделали всё, что могли.

Он знал, что врачи сделали всё возможное.

Он глубоко поклонился всем медицинским работникам.

Прошло пять лет, он больше никогда не спрашивал врачей: проснётся ли мой брат?

Он знал, что никто не может дать ответ, он может только день за днём ждать.

Машина выехала из тоннеля, темнота рассеялась.

— Су Су, почему ты плачешь?

Ланьлань с удивлением смотрела на Су Цзяньцю, по его лицу текли слёзы.

Су Цзяньцю покачал головой, не сказал ни слова, спрятав лицо в пуховике. Не знаю почему, но в этот момент он отчаянно хотел увидеть Фу Бая.

Он достал телефон, хотел позвонить Фу Бай, но так и не нажал кнопку вызова.

И в этот момент телефон зазвонил, Фу Бай прислал сообщение: [Закончил работу?]

Су Цзяньцю через окно посмотрел на отель, который был уже совсем близко, и ответил ему: [Приехал.]

Если тот несостоявшийся звонок был лишь сиюминутным порывом, то сейчас он мог с уверенностью сказать, что отчаянно хочет увидеть Фу Бая, хочет, чтобы Фу Бай обнял его, поцеловал, утешил. Он был как бездомный кот, избитый бурей, с мокрой насквозь шерстью, жаждущий, чтобы другой подошёл и вылизал его.

Фу Бай, глядя на лаконичный ответ из двух слов на телефоне, подошёл к окну и посмотрел наружу. Из этого номера был виден паркинг, он с одного взгляда мог узнать машину, которую купил для Су Цзяньцю.

Через пять минут за дверью слышались шаги.

Фу Бай открыл дверь.

И увидел Су Цзяньцю, замершего у порога с ещё не приложенной к считывателю карточкой-ключом в руке. Волосы его были мокрыми, лицо бледным, глаза красными, хрупким, словно лёгкий ветерок мог сдуть. Точно бездомный кот, промокший под ливнем, заставляющий Фу Бая захотеть вылизать его шерсть.

— А Цю...

Фу Бай уже собирался спросить, что случилось, но неожиданно Су Цзяньцю крепко обнял его.

Тело Су Цзяньцю было ледяным, как кусок льда.

Фу Бай погладил голову, прижавшуюся к его груди. — Что случилось?

Су Цзяньцю покачал головой, ему было так горько, что казалось, вот-вот расплечется. Он встал на цыпочки и сам поцеловал Фу Бая в губы, прошептал:

— Братец, мне так холодно, согрей меня...

Во взгляде Фу Бая промелькнула тьма, сдерживая разгорающееся желание, голос стал низким и хриплым. — Су Цзяньцю, у тебя что, период течки?

— Нет... не то... — Су Цзяньцю, страстно целуя, расстегнул свою рубашку. — Братец, обними меня, я хочу... Мне так холодно, согрей меня...

У Фу Бая покраснели глаза, он со смехом занёс его в спальню. — Хороший, глубокий поцелуй делается не так, братец научит.

В спальне одежда разбросалась по полу, даже настольная лампа со столика упала.

Су Цзяньцю снова заплакал.

Фу Бай подумал, что причинил ему боль, остановился, чтобы успокоить. — Больно? Неприятно?

Су Цзяньцю плакал и качал головой. — Мне так холодно, холодно...

Фу Бай уже поднял температуру в комнате до максимума, снова потрогал его лоб — температуры не было. Только тогда успокоился. — Братец обнимет, и не будет холодно, братец обнимет А Цю.

— Хорошо, братец обними меня... обними...

— Обнимаю, братец обнимает, А Цю в объятиях братца. Братец любит А Цю, будет обнимать А Цю всю жизнь.

Фу Бай знал, что у Су Цзяньцю на душе что-то тяготило, и после оргазма, обняв, стал утешать.

Су Цзяньцю устал, чуть ли не ноги свести не мог, лёжа на груди Фу Бая, тяжело дышал.

— А Цю, братец хочет покурить, можно?

Фу Бай, словно большая собака, наевшаяся и напившаяся досыта, льстиво кусал Су Цзяньцю за ухо.

Су Цзяньцю хмыкнул в ответ, давая согласие.

Фу Бай протянул руку, открыл ящик тумбочки, закурил сигарету, только взял в рот и затаился, как вдруг вспомнил о Су Цзяньцю и поднёс к его губам. — Глотнёшь?

И Су Цзяньцю, прильнув к руке Фу Бая, тоже затаился сигаретой после секса.

Мигом воздух наполнился дымом.

Фу Бай погладил обнажённую спину Су Цзяньцю. — А Цю, того, из-за кого случилось с твоим братом, нашли?

После этих слов он явно почувствовал, как тело Су Цзяньцю напряглось.

Затем услышал спокойный голос Су Цзяньцю:

— Умер. После происшествия он испугался и сбежал, потом тоже попал под машину и погиб. Говоришь, это воздаяние? Врачи сказали, если бы он тогда вовремя вызвал скорую, с моим братом было бы не так.

Тёплая жидкость пролилась на грудь Фу Бая.

Плечи Су Цзяньцю вздрагивали, он и так уже выбился из сил, даже плакал бессильно.

— Хороший, — нежно гладил его по спине Фу Бай. — Плачь, в объятиях братца плакать не стыдно. Братец же давно тебе говорил, не держи в себе неприятные вещи, заболеешь. Когда вернёмся обратно, я приглашу зарубежных специалистов, ещё раз обследуем твоего брата.

— Спасибо... спасибо тебе... Фу Бай...

Это был первый раз, когда Су Цзяньцю назвал его по имени.

Фу Бай замер.

Он вдруг кое-что понял.

Тогда он не позволял Су Цзяньцю называть его господином Фу, заставлял сменить обращение, и Су Цзяньцю в порыве чувств прямо назвал его братцем. Возможно, в сердце Су Цзяньцю считал его заменой брату.

Двое, затягиваясь по очереди, докурили сигарету после секса.

Фу Бай отнёс Су Цзяньцю в ванную помыться.

Су Цзяньцю был как маленькая тряпичная кукла, распластавшись в ванне, позволил себя помыть.

Затем, закутанный в полотенце, был брошен Фу Байем на кровать.

— Спи.

— Подожди.

Су Цзяньцю поднялся с кровати и подошёл к окну.

— Не смотри, — Фу Бай знал, что раньше кто-то забирался к нему в спальню через окно,

оставив тому психологическую травму, поэтому у того была привычка проверять окна и двери.
— Я всё проверил, всё закрыл, не волнуйся, хорошо?

<http://bllate.org/book/15452/1370837>